

Александр
АХАНОВ

ЖАР
СЧАСТЬЯ

Александр Аханов

Жар счастья. рассказы

«Издательские решения»

Аханов А.

Жар счастья. рассказы / А. Аханов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749698-2

Это первый сборник рассказов автора, обратившегося к жанру литературы, прозы, как еще одному из многих языков самовыражения (в данном случае академическому, архаичному). До сих пор автор пользовался средствами в жанрах изобразительных искусств.

ISBN 978-5-44-749698-2

© Аханов А.
© Издательские решения

Содержание

Благодарю тебя!	7
Единственное письмо	8
Я тебя люблю	11
Жар счастья	14
Редкие искры встреч среди тлеющих углей разлуки	19
Преодоление...	24
Цветные следы её шагов	25
Скрип половицы	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Жар счастья

рассказы

Александр Аханов

© Александр Аханов, 2016

© Александр Аханов, дизайн обложки, 2016

© Александр Аханов, иллюстрации, 2016

Корректор Татьяна Бекишева

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Выражаю свою искреннюю признательность и сердечную благодарность:

Богам – за Призвание и Силы,

Предкам – за Путь и Веру,

Казачьему Присуду – за Энергию и Память,

Казачьему Роду – за Дух, Волю и Кровь,

Дедам – за Тепло и Счастье,

Родителям – за Терпение, Благословение и Опыт,

Детям – за Уроки и Воспитание,

Друзьям – за Правду и Надёжность,

Костроме – за Оберег и Кровь,

Женщине – за Свет и Красоту,

Людям – за Сопутничество!

Персональные благодарности:

Ольге Швейцер – за тактичное и очаровательное приглашение к тайне,

Татьяне Гончаровой – за убедительное принуждение к действию и веру в успех,

Ларисе и Виктору Сбитневым – за доверие, деликатность и профессионализм,

Татьяне Бекишевой – за неизменную поддержку и любовь,

Юрию Бекишеву – за благословение,

Друзьям, близким и далёким – за умение удивляться, искренность и поддержку!

В текстах сохранена авторская орфография.

Корректор Бекишева Т.

Содержание, обложки, иллюстрации – Александр АХАНОВ

Женщине – Богине и Мечте...

Благодарю тебя!

Единственное письмо

Л.Г.

Утро выдалось солнечным и не по сезону тёплым, оттого предстоящая прогулка в город обещала быть вдвойне приятной. Пока я возился в прихожей и зашнуровывал ботинки, неожиданно зазвучали угрожающе редкие удары крупных капель дождя по подоконнику. Я замер и взглянул в окно. Прелюдия закончилась так же стремительно и непредсказуемо, как и началась. Сверху рухнула мощная лавина воды, отгородив могучей стеной моё жилище от всего остального мира. Горошины града суетливо торопились отскочить от подоконника, звонко тюкались о стекло и падали куда-то вниз вместе с массой воды, с высокой скоростью пронесаясь сквозь землю...

Я решил всё же спуститься вниз и по пути принять решение – выходить или нет в такую бурь-погодушку. Открыв дверь подъезда, я не поверил своим глазам: солнце победно, торжественно звучало по-прежнему, отражаясь во всём омытом ливнем свете. Птицы, казалось, охрипнут от своего заливистого гомона и пения.

Вышел на улицу и пошёл по своим делам, перепрыгивая лужи и ручьи, с нескрываемым восторгом восхищаясь волшебной игрой Природы.

Проходя мимо мусорных баков, невольно подпрыгнул, когда под ноги мне из груды картонно-мебельного мусора выскочили две ошалевшие мокрые кошки с дико вытаращенными глазами. Убегая, они уронили развалившуюся картонную коробку, заваленную вспухшими от воды старыми книгами. Я остановился. Стало как-то больно и жалко от вида этих явно неоднократно читанных книг, выброшенных кем-то варварской рукой умирать на улицу таким безсердечным образом.

Я присел, чтобы рассмотреть их. «Жалкое зрелище, их уже не спасти,» – подумалось грустно. Пачка накренилась и повалилась на землю. Одна книга раскрылась, и я увидел сложенный вдвое потемневший тетрадный листок в едва различимую клеточку. Из любопытства я протянул руку и развернул влажную бумагу.

Это было письмо, вернее, судя по пометкам и исправлениям, черновик письма. От воды чернила местами поразмылись, растеклись... Кто-то очень давно написал эти строчки ещё чернилами – напрочь забытый ныне материал, как и сам жанр общения.

– Чужие письма читать нехорошо, – сказал я себе вслух. Но мерзкий соглядатай внутри меня оказался сильнее. Чуточку проветрив, подсушив листок на солнышке и лёгком ветерке, я осторожно положил его к себе в папку и пошёл дальше.

Всё послеобеденное время до самого вечера прошло в муках сочинительства концепта предстоящей выставки одного назойливого и прилипчивого художника. Текст никак не хотел выстраиваться, так же, как и его разношёрстные, крикливые холсты, не желающие по-доброму соседствовать друг с другом в пространстве галереи.

Уже стало смеркаться, когда я вдруг вспомнил об утреннем тетрадном листке, сиротливо скучавшем в моей потрёпанной папке.

Вода всё же успела сделать своё дело – какие-то места были потеряны окончательно. Как мог, я разобрал размытые и замаранные места и переписал их набело, поставив отточия вместо утерянных слов и букв. Нестрого поругав себя за непозволительное любопытство, я плюхнулся в старое, истрёпанное кресло и стал читать переписанное...

*До.....Ми...! С немалым трудом и решимостью позволил себе об.....ся к Вам в письме.
..... С тех
самых пор, когда впервые привела Вас ко мне в гости моя знакомая учительница, говорюшка
хохотушка.....*

*Пока мы вели пустопорожнюю болтовню с училкой, Ваша хрупкая, будто тончайшего
фарфора фигурка неторопливо проплывала по комнате в верхке от поверхности пола.....*

*.....был заворожён и очаро-
ван.....Неи.....*

Я вздрогнул и нервно заёрзал. Непроизвольно по моему лицу пробежала лёгкая волни-
тельная дрожь. Сердце что-то громко заговорило, заикаясь и пропуская удары.

*.....очарован Вашим тихим, почти вкрадчивым голосом, неторопливыми, лёгкими дви-
жениями и мягкими жестами, тонкими, едва ли не детскими пальчиками и какой-то непо-
вторимой, удивительно солнечно-тёплой, неземной улыбкой.....*

А сердце всё громче, сбивчиво пыталось докричаться до моего рассудка. Он, рассудок,
бунтовал, отказывался сознаваться, что этот текст – какая-то до боли знакомая часть моей
жизни.

*.....всякий раз при нечастых наших встречах (будь неладны все дела,
в которых мы погрязли!) во мне горело страстное желание – броситься, очертя голову к Вам
навстречу, обнять, подхватить, раствориться в Вас, полететь.....*

*.....заставлял себя сдерж....., чтобы
невольно не причинить какого-либо вреда лишним, неловким словом, неосторожным, нечаян-
ным прикосновением, не.....до.....*

*.....милоВы – моя
давняя, безнадежная.....*

*.....мои.....неуклюжие признания – ничто
по с.....*

.....не покидали моего истосковавшегося сердца.....

Что это такое? Невероятно! Откуда мне всё это знакомо? И текст письма, и, главное, это
состояние, ситуация, чья-то, казалось бы, совершенно чужая, давняя жизнь?.. А может, это...

От неожиданной, пронзительной мысли спина и лоб покрылись холодной испариной...
Будто открылась дверь, и в дом ворвались с шумом и смехом все, кого довелось встретить
в жизни. Все разом по-дружески набросились на меня, тиская, хлопая по плечам и спине,
вороша волосы на голове, что-то все одновременно говорили очень важное, необходимое,
шутили, показывали какие-то записи, фотографии, книги, предметы...

И тут вспомнилось всё – день, год, время суток, её улыбка, тихий голос... А главное,
то совершенно неповторимое состояние какого-то электричества что ли и запах, то ли озона,
то ли другого фантастического эфира, наполнявшего воздух и заставлявшего так пьяняще –
сбивчиво вибрировать моё околдованное сердце и поющую душу... Голова, и без того гудев-
шая, вот-вот готова была разорваться на мелкие кусочки.

В конце письма стоял особо тщательно замаранный столбик текста. Некое подобие стиха.
Вода поразмыла густые пятна чернил, но мне удалось прочесть некоторые строчки:

*..... всю зиму ждала,
Весну и лето копила,
и вот, наконец – то пришла,
палитру, холсты разложила.*

*Деревья, кусты и траву,
Раскрасила всё не размытым,
Волшебным каким – то
Колдовским колоритом
Проказница Осень.....*

.....
.....
.....
.....осталось немного

*О важном сказать,
Ничего не забыть,
.....строго,
...му.....не судить.....
.....полосу,
...и тихо, безмолвно
В зиму с собой унесу...*

.....

Окончательно ошалевший, я несколько раз перечитал текст письма. Отчаянно и безнадежно пытаюсь ухватиться хоть одной мыслью за соломинку рассудка, в каком-то изнеможении выронил листок бумаги из рук.

В какой жизни это было? Когда? С кем? С ней? Со мной?!...

– Это моё письмо... я его написал... – еле прошептал я и вдруг резко провалился в глубокий сон...

Наверное, уже ближе к утру, пробуждаясь от сна в старом, до дыр затёртом кресле, с затёкшими от неудобной позы шеей и рукой, ещё в полудрёме стал различать отдалённые шумы города за окном. Птицы о чём-то привычно и наперебой спорили между собой. Где-то, будто у соседа за стенкой, методично капала вода из крана. Её фигура, так отчётливо и яркой вспышкой вспомнившаяся вечером, безшумно проплывавшая рядом в ночи, удалялась прозрачным силуэтом в проёме окна... не оглядываясь... не махнув на прощание рукой... Где-то под переносицей досадливо, по-детски защемило, провоцировало на забытые слёзы. И всё отчётливее слышался чей-то приглушённый, чуть хрипловатый, уставший голос рядом со мной, вроде как за спиной, позади. Полушёпотом, прерывисто, неторопливо и с грустью в голосе этот кто-то читал моё глупое, недописанное, неотправленное письмо.

Единственное...

*Дорогаяла! Вы – моя давняя, безнадежная
лю.....*

Я тебя люблю

Лето выдалось неровное и хлопотное – приступы жары сменялись с налётом урагана резким похолоданием. В одну из светлых июньских ночей, уже под утро, на пульт дежурной части по чрезвычайным ситуациям поступил сигнал о возгорании дома. Через минуту просыпающийся город разрывали сирены противопожарных машин. Горел старый деревянный домишко, чудом уцелевший на высоком берегу реки, сразу за мостом, в окружении наступающих на него многоэтажек. В доме, скорее всего, давно никто не жил, судя по заросшему бурьяном участку земли, повалившемуся сгнившему забору да двум поваленным ураганами берёзам, упавшим рядом с домом, до которых, как и до самого дома, не доходили хозяйственные руки. Домик сиротливо чернел чуть в стороне, доступный всем ветрам и дождям.

Ветер и сейчас резко трепал, осерчался, деревья и кусты, растущие вокруг. В такую погоду огонь очень легко мог перекинуться на соседние дома – опасность была велика.

Бригаду встретил встревоженный таксист, он-то и позвонил в дежурную часть.

– Тут всё как-то странно происходит!

– А в чём дело?

– Ну, сами посмотрите. Ветер довольно сильный, дует вдоль реки. А горит только один угол, и пламя столбом...

Офицер внимательно посмотрел на горящий дом. Действительно странно. Пламя, не сильное, не слабое, поднималось от угла дома вертикально, не реагируя на порывы ветра, словно горело где-то в другом, параллельном мире. Совершенно без дыма и гари. И... почти без звука. Стоял лишь лёгкий гул, как в печи с хорошей тягой.

Команда взялась за работу, и не прошло десяти минут, как всё было закончено. Работу продолжили несколько человек следователей. Осторожно вошли в уцелевшую, как им сначала показалось, половину дома и были порядочно удивлены. Следов огня, обгорелых стен, мебели, углей и головешек не было и в помине! Весь дом и небольшое количество предметов мебели покрывал порядочный слой нетронутой пыли, никаких следов человека, животных или насекомых не было.

Дом, много лет стоявший без хозяина и явно нежилой, за всё время покинутости и одиночества обходили стороной бродяги, никто не пытался выбросить за поваленный забор мусор – обычное в таких случаях дело. Словно в доме присутствовал и ревниво охранял эти запалённые комнаты и предметы кто-то незримый – или сам хозяин, то или хороший добросовестный домовый. В таком необъяснимом, нереальном пространстве становилось неуютно и тревожно. Бригада неуверенно топталась в комнате, силясь сообразить, как же составить рапорт: очаг возгорания ликвидирован, а самого пожара вроде, как и не было вовсе...

Один из них подошёл к покосившемуся шкафу в маленькой комнатке. Шкаф был старый и почти складывался в одну сторону. За осевшим его углом выглядывала то ли дверь, то ли ниша. Осторожно отодвинув пустой шкаф в сторону, парень ошалело застыл перед открывшейся картиной...

Шкаф прикрывал своим старым рассохнувшимся телом небольшую нишу в стене. В этой нише сидел, поджав под себя одну ногу, человек. Вернее, сидела одежда человека. Самого человеческого тела не было совсем, словно сидел какой-то невидимка. Судя по всему, сидел очень давно: мятый пиджак, рубашка под ним и брюки были покрыты таким же слоем пыли, как и все вещи в доме. На колене сидящего лежал тщательно упакованный пакет. Под коленку закатился и спрятался, затаившись, огрызок карандаша.

Кое-как придя в себя, парень потянулся было рукой к пакету, но тут же получил увесистую пощёчину. Отдёрнув руку и озираясь по сторонам в поиске виновника удара, снова в недоумении уставился на нишу. «Померещилось,» – внушил он себе и снова решил взять

пакет. Только протянул руку, как её обожгла резкая боль от сильного удара хлыстом. Парень вскрикнул от боли, схватился за руку, задрал рукав. Вдоль руки от кисти до локтя багровел алый рубец. Ближе к локтю кожа треснула, сочилась кровь. Возмущённо поднял голову в сторону ниши и получил второй удар в лоб, отлетел назад и упал, больно ударившись затылком о притолоку двери...

На шум сбежались остальные. Кое-как парень рассказал о своём приключении, боязливо кивнув в сторону ниши. Пошутив сначала над своим незадачливым товарищем, решили сами проверить, и были остановлены неведомой силой. Ударов на этот раз не было, но все попытки приблизиться к нише заканчивались ничем, словно люди натыкались на невидимую стеклянную стену.

Пока бригада пыталась что-то понять и сообразить, третью маленькую комнатку, служившую скорее всего спальней, рассматривала молодая девушка, следователь-практикант. Обратила внимание на то, что в доме, очевидно, жил одинокий мужчина. Слишком характерным был скудный, минимально обставленный интерьер жилища и этой комнатки особенно. Кроме старой железной кровати, венского стула и небольшого комода, в комнате ничего не было. Ни ковриков, ни занавесок, ни полок, зеркал, ваз, книг, шкатулок и коробочек, обычно живущих в любом доме. Глазу не за что было зацепиться. Лишь на комод лежала запылённая небольшая пачка писчей бумаги и парочка безупречно отточенных карандашей.

Уже выходя из комнаты, девушка заметила торчавшую углом из-за комода не то картину, не то рамку с фотографией. Осторожно достала её, сдула пыль с треснувшего стекла. За стеклом была размещена несколько непривычная фотография, словно вырезанная из журнала картинка. На снимке улыбалась невероятно светлой и тёплой улыбкой красивая девушка. В некотором смущении, она, слегка отвернувшись от света, подпирала рукой голову. Русые, густые волосы недлинной причёски почти полностью скрывали её ладонь. Нехарактерная для этой местности внешность – полуопущенные веки глаз, ровный, с лёгкой горбинкой нос и совершенно искренняя, лучистая, мягкая улыбка неполных, тонких губ – выдавала в ней будто бы пришлицу из каких-то других неведомых миров. Сама фотография или от времени стала фактурной, или была так сработана, что носила в себе временное наслоение, и это придавало снимку особенно волнующее впечатление, какой-то отпечаток если не вечности, то значимости происходящего либо прошедшего. На обратной стороне картонки была какая-то надпись. Но, выцветшую от времени, её прочесть не удалось.

Бригада продолжала обсуждать возможные гипотезы и варианты принятия хотя бы какого-то конкретного и связанного решения. Слушавшую этот сумбурный разговор студентку-практикантку неожиданно осенила одна мысль, и она попросила слова.

– А-а... можно мне попробовать?

– Ну, валяй, дерзай. Только каску и бронежилет надень, – хохотнули парни.

Девушка вернулась в комнату, взяла фотографию, развернула её лицом к нише, чуть выставив руки вперёд, и стала осторожно приближаться к сидящей фигуре. Не дойдя до ниши на расстояние вытянутой руки, она остановилась. Почувствовала тепло, окутавшее её напряжённые руки. Взгляд её упал на картонку, вставленную в рамку с обратной стороны. На ней начала проступать надпись. Она словно неоновым светом стала слегка мерцать. Теперь надпись можно было прочитать: ***Я тебя люблю!***

Девушка заворуженно стояла перед нишей, не шевелясь, держала рамку с признанием. Потом она перевела взгляд на нишу. Фигура стала исчезать, растворяться, если так можно говорить о том, чего не было. Одежда начала медленно оседать, словно надутый матрац выпускал из себя воздух. Когда пиджак с рубашкой и брюки осели совсем и легли на пол, светящаяся надпись стала меркнуть, остывать, и буквы пеплом, будто с палочек-ароматниц, стали осыпаться с картонки на пол.

Через минуту всё исчезло. И тепло и напряжение в руках. Девушка опустила руки и взглянула на рамку. Она держала рамку с треснувшим стеклом и вставленной за него серой картонкой. Никакой фотографии не было. Она отнесла рамку в спальню и положила её на комод поверх стопки бумаги. Затем вернулась, подошла к нише и осторожно взяла пакет, всё так же лежавший поверх одежды. Вышла из дома и пошла к реке. Не торопясь, вскрыла пакет. В нём были несколько сложенных, исписанных мелким карандашным почерком листов бумаги. В безконечных исправлениях, уточнениях, переделках легко угадывались стихотворные строчки. Стихи о любви. О любви к той, чья очаровательная улыбка поддерживала всё это время совершенно необычную жизнь измученного уединением в пустом доме чудака, о любви и нежности к далёкой русоволосой пришелице...

Стала читать эти запутанные строчки. Словно повинуюсь чьей-то воле и желанию, каждый прочитанный листок опускала на воду. Так они выстраивались нестройной цепочкой, покачиваясь на лёгких волнах, отплывали от берега и по одному, попрощавшись с этим миром, неторопливо скрывались под водой. Положила последний листок на воду и поднялась. По щекам её скатились две тёплые слезинки...

Жар счастья

Обстоятельства складывались как нельзя лучше. Наконец-то, наконец, ему удалось уговорить её встретиться. Не при официальных, торжественных или иных общественных событиях, не на представлениях, обсуждениях, юбилеях, днях рождения и праздниках с неизменным скоплением большого или малого количества людей. А наедине, на свидании. Только вдвоём, она и он, и вокруг никого. На самом настоящем свидании.

Впервые они встретились несколько лет назад как раз на одном из таких шумных мероприятий. Приглашённые гости уже дружно жужжали единой, монотонной, пчелиной семьёй, сгруппировавшись вокруг фуршетных столов, активно вкушая алкоголь и десерт. С... стоял чуть в стороне со стаканом минеральной воды в руке, опершись о колонну и задумчиво глядя в окно. Его окликнула знакомая журналистка и представила свою подругу.

– Познакомьтесь, М...

– Очень приятно, С...

Знакомая что-то оживлённо рассказывала, он не запомнил, что именно. Только, молча, смотрел на М... Небольшого роста, тонкая, хрупкая, на небольших каблуках, в тёмно-сером трикотажном платье. Немного худощавое, с правильными чертами лица. Очень спокойный, тихий, мягкий голос. Чуть смущаясь, она очаровательно улыбалась и изредка посматривала на него своими чуть прищуренными светло-зелёными глазами. Скромным, практически совсем незаметным макияжем она приятно выделялась среди безвкусно размалёванных боевой, индейской раскраской изрядно захмелевших и громко говорящих богемных хищниц.

Не бывает любви с первого взгляда, но с первого взгляда где-то внутри, в затаённых закоулках сердца вдруг что-то просыпается, источая волнительные вибрации и то особенное, неповторимое тепло и свет. И кто-то говорит тебе на ухо:

«Это она, та самая, помнишь? Вы уже встречались с ней и не раз! Вспомни же! Ты – её должник! Проснись же, вспомни!» Не вспоминается... Никак... Но чувство знакомства, даже какого-то родства растёт с каждой минутой, сбивает с мысли, не даёт подобрать нужные слова.

М... шепнула что-то своей подруге и стала извиняться за вынужденное прощание. Она приехала из другого города, ей пора возвращаться, дома ждут неотложные дела и обязательства. И так же очаровательно улыбаясь, она вздохнула и провела маленькими ладонями по бокам своей фигурки от груди по талии и бёдрам, оправляя и будто разглаживая платье. Жест, от которого у С... зашумело в голове.

Разделённые расстоянием, личными делами, обязательствами и официозом редких, спорадических встреч, они никак не могли пообщаться хоть какое-то время наедине, не спеша. Их параллельные пути – тропинки никак не хотели пересечься. И лишь совсем недавно, несколько месяцев назад судьба всё же свела их в подготовке одного совместного проекта. И былое пережитое волнение вновь возникло с новой силой, грозясь из лёгкого бриза перерасти в штормовой ураган.

Ни встречи, ни расставания не случайны. Это он знал. И уж если есть ощущение обязательств перед кем – то, их нужно исполнить. И как можно скорее. Главные в жизни слова нужно произносить вовремя...

Никого не предупредив накануне, С... после бессонной от волнения ночи встал чуть свет, наскоро собрался и отправился к ней, на первое их свидание. Он сидел в автобусе у окна в радостном предвкушении встречи, подставив лицо брызжущему сквозь деревья восходящему солнцу. Специально выехал пораньше, чтобы пройтись по незнакомому городу, не торопясь, заранее оглядеть место встречи, побродить вокруг, попредставлять, куда бы они могли пойти прогуляться вдвоём.

За полчаса до встречи он нашёл небольшой цветочный магазин и заказал букет скромных маленьких розочек, предпочтя их большим и крупным розам. Почему-то ему показалось, что они ей больше понравятся, да и проживут они подольше. Присев на скамейку в небольшом сквере в паре шагов от места свидания, С... ждал заветной минуты.

Интересно, думалось ему, хватит ли ему, ей, им обоим, пока они будут рядом, смелости или хотя бы любопытства открыть эту тайную книгу любви, или они будут передавать её из рук в руки, так и не открыв, не разрезав листы? Смогут ли они быть хоть какое-то время счастливы на этой скамейке, в этом сквере, в кафе или на берегу речушки, что протекает недалеко отсюда?

– А ведь огонь и жар счастья, переполняющий меня, столь велик, лихорадочен, неуправляем, что окончательно повредил мой и без того хилый и жалкий рассудок! – смеялся сам над собой С...

– А эта могущественная речь влюблённых, наше воображаемое и памятное общение глаза в глаза, по фото, по видеороликам, не сильнее ли на порядок, не крепче ли всех расстояний, разлук и печалей, вместе взятых?

А меж тем её всё не было. Добавив полчаса на традиционные женские опоздания, потом ещё пятнадцать минут, потом ещё пять, к исходу часа оговоренного времени С... уже заметно нервничал. Напрасно потолкавшись ещё с четверть часа, он не выдержал и подошёл к будке телефона.

В трубке отозвался мужской голос.

– Могу я поговорить с М...?

– Нет. Она три дня, как уехала. Что-нибудь передать?

– Нет, благодарю. А Вы...?

– Я её брат. Она попросила меня приехать присмотреть за домом и пожилыми родителями и по каким-то срочным делам уехала. Сказала на неделю. Куда – не знаю...

Ошарашенный неожиданной новостью и как-то разом уставший и осунувшийся, С... повесил трубку и пошёл куда – то, не глядя...

– Что делает с нами разделяющее нас расстояние? Всегда ли оно непреодолимо? А может, непреодолимость лишь кажущаяся, не явная, может, это всего лишь умело запрятанное отсутствие элементарной воли? Или отсутствие настоящей любви?

А может быть, это разница в возрасте, социальном статусе или иное что расставляет столь неразличимые, необнаруживаемые и безжалостные ловушки, пока произносятся банальные клятвы – слова – заклинания: *всегда, никогда, вечно?*..

Перебирая бесконечно возникающие вопросы без ответов, С... брёл окраиной незнакомого городка.

– Пора бы из него выбираться...

Зашёл в небольшое кафе. Почти никого. Или впечатление пустого зала создавали невысокие перегородки, разделяющие зал кафе на небольшие закутки со столиком и парой стульев? Заказав чашку кофе, сел за столик и устало прислонился к перегородке.

За перегородкой ворчал сердито и неразборчиво чей- то бас, с небольшими паузами повторявший какую – то одну и ту же фразу. И вдруг С... вздрогнул. Сердце сильно забилося от неожиданности.

– Прощу тебя... Ты же обещал...

Это был её тихий, мягкий, так всегда очаровывающий его голос. Никакого сомнения – она. С... весь напрягся, не замечая, что из накренившейся чашки ему на колени льётся горячий кофе...

Весёлая и шумная компашка, проходящая мимо, помахала соседям за перегородкой руками: « Догоняйте!» – и вышла из кафе.

– Так. Мне пора! – буркнул бас.

– Ты же обещал... неделю... Прощу тебя...

Они поднялись и тоже пошли к выходу. Проходя мимо, даже не взглянули на С...

Да, это была М..., очень эффектно, непривычно для него одетая. В те редкие их встречи ему запомнился её деловой и крайне сдержанный, с неизменными серыми оттенками, колорит одежды. И каждый раз он пытался отгадать, в чём кроется причина её неуверенности и какой-то нерешимости что ли. С... никогда ранее не видел её такой. Яркой. В тёмно – вишнёвой, длинной, с небольшим разрезом сбоку юбке, в стильных, красного цвета, классического фасона туфлях на небольшом каблуке, в сдержанно – бордовой шёлковой блузке и в накинутом на плечи шёлковом палантине, расписанном огромными ярко – красными маками, она была сногшибательно хороша!

Обладатель ворчливого баса тоже был ему знаком. Они приезжали пару лет назад с какой-то рабочей темой. Сидели все вместе в редакции журнала, пили чай, кофе. Его представили каким – то архитектором с длинной незапоминающейся фамилией. Высокого роста, с крепко сбитой, богатырской фигурой, постоянно хмурый и чем-то недовольный, этот здоровяк возвышался огромной, тупой скалой над столиком, за которым сиротливо приютились остальные. С... вспомнил, что громила нёс какую – то скороспело сочинённую политкорректную околесицу. Возмущённый этим откровенно лживым пасквилом, С... завёлся с пол-оборота и сцепился с ним в полемике. На полуслове осёкся, когда, взглянув на М..., увидел в её глазах испуг и детскую беззащитность. Наскоро попрощавшись, откланялся.

Теперь они шли мимо столика С... к выходу – громила, сжав свои кулачищи и играя желваками, и, робко, неуверенно держа его за руку и с мольбой заглядывая ему в лицо, М...

Единственным желанием С... в эту минуту было обрушить со всей силы какой-нибудь стул на свинцовый затылок громилы. Он уже вскочил и схватился руками за спинку стула. Остановил его лишь вид беззащитной, хрупкой, столь желанно – недостижимой фигурки М... Только безграничная, щемящая до слёз нежность, сочувствие к ней и предельная осторожность, чтобы каким – либо образом не навредить ей, не позволили С... вмешаться в её жизнь, догнать, отнять, вернуть. Проводив их взглядом до выхода, готовый чуть ли не расплакаться от бессилия и досады, он подошёл к бару, заказал рюмку коньяка, выпил залпом и, расплатившись, пошёл в сторону вокзала. На столике в стакане воды остался грустно вздыхать розовыми слезинками скромный букетик...

Стук колёс электрички болью отдавался в его воспалённом сознании. Прислонясь к холодному окну, он рассеянно смотрел в мелькавшую стволами деревьев темноту. Перед глазами стояла картина таявших в ночи, вздрагивавших ярких маков на её хрупких плечах.

– Почему ты не решился её окликнуть, догнать, хоть как-то защитить, в конце концов? А-а-а... Ты струсил! Нет? Ты просто её пожалел... Глянул в её страдающие глаза, и тебе стало её жалко. И ты, трусливо спрятавшись за жалость, утверждаешь, что любишь её?!

– Не только это. Я увидел, как она смотрела на него... И мне подумалось: ни моя любовь, ни я сам ей не нужны. Драгоценная хрустальная шкатулочка в её сердце, где она хранит свою и чью – то другую любовь, занята. Не мной. И ключик от неё она не мне принесла, а вложила в равнодушные кулаки громилы. С чего я вдруг самоуверенно решил, что такой уж желанный гость у её порога? Имею ли я право стучать в закрытые двери, нести дары туда, где в них нет нужды?..

– *Имеешь. Никто и ничто не может тебе помешать любить. Любить, а не сочувствовать, жалеть, обладать. Любить без ожидания ответа, без вознаграждения. Просто любить её, раствориться в ней, в воздухе, которым она дышит, в воде, в траве, ветре, облаках над головой, в пенье птиц и шорохе жуков и кузнечиков вокруг её ног, плеч, головы! Никто не может помешать тебе прилетать ночью к её изголовью, хранить её беспокойный сон от ночных страхов, опасностей и тревог, прикосновением солнечного луча осторожно будить её, нежно касаясь щёк, омывая ото сна каплями свежей воды так тобой любимое лицо! Так люби же!!! Возвращай накопленное!*

– *Просто люби! Не позволяй своему разуму остужать жар счастья в своём сердце, будь искренним и честным, не мешай, позволь сердцу изливать поток божественного Тепла и Света в её мир, её сердце и душу! И она обязательно отзовётся! Если ты и впрямь владеешь даром любви, если ты предельно откровенен, искренен, то она непременно отзовётся!..*

Быстро остывшее северное лето сменилось прохладой осени, уже дышавшей ночами полярным холодом. Небольшой коллектив, который успешно возглавляла М..., отмечал памятную дату и приглашал к себе гостей. С небольшой группой приглашённых поехал и С...

Он трясся в тесной машине с весело болтающими в преддверии гулянки попутчиками в задумчивом, меланхоличном настроении. Недавно пережитая эмоциональная буря была укрощена и контролировалась его холодным и равнодушным рассудком.

Подъехали, выгрузили подарки и, шумно галдя, вошли в дом. Вошли в её кабинет. Из-за стола поднялась, радушно и всё так же обворожительно – колдовски улыбаясь, М... После продолжительной разлуки она показалась ему ещё эффектней, привлекательней и желанней прежнего. Почти в таком же, как и в первую их встречу, только тёмно-вишнёвого оттенка трикотажном платье с едва заметной окантовкой ворота, рукавов и подола, она привычно повторила тот же жест – провела ладонями по бокам от груди по талии к бёдрам, опираясь на своей безупречной фигуре воображаемые складки.

Всё ещё держа в руках коробки и пакеты с подарками, С... прислонился к притолоке двери, закрыл глаза и безмолвно, про себя мучительно простонал...

Редкие искры встреч среди тлеющих углей разлуки

Случайно подслушанное, неожиданно подсмотренное и слегка придуманное. Любые совпадения непредумышленные...

Первая. Непроизнесённые слова

- Ну, что ж... Всё когда – то кончается... Прощай, милая!
- Так уж и прощай?
- Прощай – лишь просьба о прощении, хоть и выраженная в повелительной форме. Прости меня!
- За что?
- За всё. За все глупости, что я наделал и наговорил от избытка эмоций, за неосторожные слова и жесты, за несдержанность, за нетерпеливость и назойливость, за мою неуместную и не ко времени, может быть, активность. За неудобства, тебе доставленные, за отсутствие деликатности и такта, за невнимательность, за мой раздутый до безобразия эгоизм, за отсутствие правильных слов. За то, что мои всегда складные мысли выражаются таким косным, неуклюжим языком. За мою тупость, горячность. За касания, объятия и поцелуи при посторонних свидетелях, за неумение при них скрыть свою безграничную к тебе симпатию и нежность. За то, что вывалил всё это на твои хрупкие и нежные плечи без твоего ведома, спроса и позволения. И за многое другое, что не могу сразу вспомнить от волнения и расстройства!
- Пустое. Не вини себя напрасно.
- Когда тебя ещё встречу...
- ... увидимся ещё...
- Я напишу тебе. Я буду тебе писать, хорошо?
- Да. Только вот я писать не привыкла...
- Ничего. Переживу. Не грусти, мне тяжело смотреть в твои грустные глаза.
- Стараюсь.
- Это я на тебя такую грусть навалил?
- Нет. Не совсем... Просто... я растеряна...
- Отчего?
- Не знаю... Ну, непривычно как – то.
- Что именно?
- Не знаю... Всё...
- У тебя холодные пальцы. Нервничаешь, волнуешься?
- Н-нет. Не знаю... Немного.
- Позволь, я их согрею своим горячим дыханием. Прости меня. Но... ты же знаешь. Ты же всё знаешь.
- О чём?
- Обо всём, об этом... О тебе, о нас. Ты же понимаешь?
- Нет, не очень... Может быть...
- Ты ничего не хочешь мне сказать?
- Не знаю... Может... не сейчас... как-нибудь...
- Совсем ничего? Мне, наверное, не стоило всё это затевать, грузить тебя болтовнёй своей, неуместной, несдержанной страстью и...
- Нет, ничего. Всё в порядке... Неожиданно как-то, я растерялась... Но... Мне приятно, я принимаю.

– Я буду приходить к тебе во снах, напоминать о себе в самое неподходящее время, отвлекать тебя от работы, путаясь в мыслях и воспоминаниях, передавать приветы со знакомыми, посылать глупые, наивные открытки и всякие бирюльки – безделушки. Видишь, я настырный и прилипчивый.

– Буду рада.

– Ну, вот, уже лучше, ты улыбнулась. Улыбайся чаще! Мне очень нравится, когда ты улыбаешься. Вот скажи мне, что ты сделала со мной?

– Я? Я ничего не делала.

– Ну, как же! Ты околдовала меня, приворожила. Признавайся. Тебе смешно?

– Это ты что-то нафантазировал себе.

– Ну, может быть, чуточку. Но ведь не бывает дыма без огня. Я же видел.

– Что ты видел?

– Видел. Признавайся, что ты добавляла в чай, когда его заваривала?

– Не выдумывай. Я, кстати, заметила, как внимательно ты следил, пока я его готовила.

– Да. Ты была очень сосредоточенна во время приготовления. Приворотной травы добавила, наговорила – заговорила? Тебе смешно, а мне вот какво? Ты ведь знаешь, чувствуешь, не можешь не почувствовать, что я каждый день думаю о тебе, утром приветствую тебя, вечером желаю доброй, безмятежной и спокойной ночи. Ты же видишь, я уже не могу без тебя. Без тебя, без твоей улыбки, без твоего обворожительно – мягкого голоса, без твоих пытливых, слегка прищуренных глаз? Вот скажи, как я теперь вдали от тебя смогу жить? А? Как?

– Не знаю...

– И я не знаю.

– ... кажется, идут.

– Да... Как скоро... Вот, держи.

– Что это?

– Летела птица, мне не знакомая. Я протянул руку, она уронила мне на ладонь сердечко – тёплый камешек. Если вдруг тебе взгрустнётся или станет зябко, возьми его, поддержи в ладошке, вспомни меня – и тебе, может быть, будет теплее и легче...

– Идут...

– Не грусти. Прощай!

– До встречи...

Вторая. Произнесённые слова

– Здравствуй!

– Здравствуй!

– Если бы ты знала, как же я рад, что, наконец – то, вижу тебя!

– Я тоже очень рада.

– Знаешь ли ты, сколько жизней прошло с тех пор, как мы с тобой виделись последний раз? Ты хоть можешь это представить? Боже! Аж не верится! Неужели и впрямь это чудо случилось, и я могу дотронуться до тебя?! Ну, подожди, не отстраняйся! Ещё секундочку.

– Мне непривычно как-то...

– Скажи, сколько ты времени можешь представить мне для счастья быть с тобой?

– Наверное, не больше пары часов...

– Всего лишь два мгновения, два мизерных часика на всё про всё...

– Почему ты так на меня смотришь?

– Любуюсь. Ну, ладно, не смущайся, я же скучал... и сильно. Видишь, сегодня твоя любимая погода. Похоже, скоро дождь начнётся. Ты сегодня сногшибательно выглядишь! Никогда не видел тебя такой!

- Какой?
- Яркой, стильной, красивой и так опьяняюще улыбочивой! Прогуляемся, присядем где-нибудь за чашкой кофе или чая?
- Да, с удовольствием.
- Может, вот там, под навесом с горящими лампами, уютно выглядит...
- Идём.
- Настырный, вредный дождь, не даёт мне с тобой погулять. Именно тогда, когда ты так близко... Именно в тот день, о котором я так усердно молил календарь, чтобы он быстрее перелистывал свои страницы до сегодняшнего дня! Что же он делает – меня остужает или тебя подпитывает?! У тебя ледяные руки! Зябнешь?
- Нет. У меня всегда холодные руки...
- Дева северного королевства, давай я их погрею. Дай мне руку. Вот смотри, тут написано. И вот тут, и тут, и ещё вот здесь.
- Я не знаю, ничего не вижу... и не умею читать...
- Да вот же, видишь? Тут написано, что я тебя люблю. Понимаешь? Я люблю тебя! Давно уже. Сколько мы с тобой знакомы?
- Я уже не помню.
- А я тогда разволновался. И потом, позже, в другие встречи, рванулся к тебе навстречу, ты, наверное, помнишь.
- Может быть, не знаю.
- Но ведь главные слова нужно говорить вовремя. Только почему-то я их так глупо произнёс. Смешно вышло, да? Почему ты загрустила? Не надо, не грусти.
- Слишком непривычно... Мне уже пора...
- Как быстро... Слушай, возьми меня с собой в попутчики.
- Нет, не могу.
- Почему? Подожди, не качай головой. Почему ты не позволяешь говорить своему сердцу? Оно же не врёт никогда! Не торопись отталкивать, не закрывайся от меня.
- Сердце? Оно у меня уже сжалось и усохло до размера крылышка маленького мотылька... Иллюзии растаяли, мечты закончились...
- Дай мне шанс попробовать оживить его, вернуть тебе принадлежащее. Ты же понимаешь, что встречи не бывают случайными?
- Понимаю... Пожалуй... А может, это я тебе обязана?
- Вряд ли. Я бы это почувствовал. У меня стойкое ощущение, что именно я должник.
- Ну, мне так больше нравится. Я не люблю быть в долгу.
- Вот и хорошо! Позволь же мне вернуть тебе всю накопленную к тебе любовь, ласку, нежность. Прими эти дары. Это ведь только твоё, только тебе принадлежит! Возьми же! Мне ничего не нужно взамен. Только позволь побыть с тобой наедине этот вечер, ночь, полночи, несколько часов!
- ...
- Ну, скажи мне, почему так необходимо приносить себя или те мгновения счастья, глубоко искреннего, настоящего, ради которого и живём, которое может родиться, в жертву сложившимся обстоятельствам? Почему мы так легко от него отказываемся, ради чего? Подумай, ведь, пережив вместе эти счастливые часы-минуты, мы, возможно, будем к ним возвращаться всякий раз, когда нам будет нелегко. Может быть, они станут самыми светлыми и счастливыми мгновениями в жизни каждого из нас!
- Н-н-нет... Не могу...
- Полюби себя, поживи для себя! Я же люблю тебя! Что же тебе самой мешает себя любить?

– Как любить? Смотреть на себя в зеркало и растягивать пальчиками улыбочку? Так что ли?

– Да, и так тоже. А в зеркало смотри на себя моими любящими глазами, и всё будет хорошо! Только вспомни, что все твои родинки, веснушки, морщинки, всё, что ты так не хочешь видеть в себе, мною любимы! Понимаешь, всё, вся! Каждая клеточка! Мною любима и... желанна! И тогда тебе не придётся переживать за себя, ты ничего не увидишь в себе такого, что тебе не понравится! Уверю тебя! Может, я сглажу как-то будничные шероховатости, может, мне удастся стряхнуть, стереть заботы с поверхности твоих зеркал? Ну, что с тобой? Я напугал тебя? Ты боишься, что будешь жалеть о том, что согласилась, или о том, на что не согласилась, боишься потерять то, что ещё не обрела, не пробовала обрести, не пыталась прикоснуться... Кого ты больше боишься – меня или себя?.. Словно улитка, спряталась в домике, даже рожки высунуть боишься...

– ...

– И всё – таки... Как же расточительно тратится драгоценное время! Причём на загадки и отгадки, а не на жизнь. Я вот понятия не имею, сколько отведено нам с тобой времени побыть рядом, вместе, сколько раз доведётся с тобой свидеться. И как-то грустно думается, что совсем мало... А ты? Ты знаешь сколько?...

– ???...

– Это окончательное решение? Только твоё решительное **нет** может остановить меня.

– Н-н-не знаю... Не сейчас. Может быть, при других, более благосклонных обстоятельствах... Пора уже...

– Ну, что ж... нет, так нет... Идём... Я так ждал этой встречи! И, похоже, всё испортил... Мне так и не удалось растопить твою ледышку, даже с одного краешка, даже бочок не смог согреть... Никак... Послушай! А ведь, говоря **нет**, ты на самом деле говоришь **да**, но позже. Так ведь? Ну вот, замечательно. Ты уже смеёшься. Значит, едем вместе?

– Нет... Я, правда, не могу...

– Однако ты сегодня на редкость неупросливая... Ну, пусть будет по-твоему... Если позвёшь – приду. Если нет, не стану настырничать и докучать тебе... Что же я делаю?! Как же я буду материть себя за то, что согласился с тобой, не убедил тебя, не нашёл правильных, нужных слов! Как же мне придётся жалеть о том, что я не настоял на своём!..

Он стоял чуть в стороне от окошка кассы, в котором она брала свой билет, с грустью смотрел на её ускользящую, тающую на глазах, словно Снегурочка, тонкую фигуру. Ускользящую куда – то в облака, снова в недосыгаемость... Словно последняя капля воды на ладони в раскалённой солнцем пустыне... Вышел из душного зала на платформу. Дождь по-прежнему играл свою монотонную, надоевшую и тоскливую мелодию.

Подошёл к краю платформы, опёрся плечом на колонну. Сразу навалилась многодневная усталость бессонных ночей, безконечного, изнурительного ожидания, долгих, неудобных переездов, всплеска эмоций. В душе, в голове стало необычно пусто – ни мыслей, ни переживаний, ни сожаления. Взгляд куда-то сквозь землю в вечность.

Через несколько минут она незаметно и тихо подошла сзади и бережно взяла его под руку. «Впервые за столько лет знакомства горячая ладонь. Как странно... Что произошло?» – подумал он. Взглянула ему в глаза, слегка вздрогнула. На неё смотрел другой человек...

– Не грусти, увидимся ещё...

– Да, обязательно. Может, тебе взять отпуск, ты ведь несколько лет никуда не ездил, не отдыхал. Вот и отправляйся за новыми впечатлениями, новыми сюжетами. А за это время, может быть, и твой «недуг» пройдёт...

– «Недуг»... раз уж ты уверена, что это точно диагноз... Возможно, перенесённый на ногах, он станет хроническим... и потому болеть уже так сильно не будет... Может быть, не будет...

– До встречи!

– Прощай! Чуть не забыл! Я ведь не сказал тебе самого главного: Я люблю тебя, слышишь? **Я... тебя... люблю!**

Другие... Невстречи.

Как это случается в жизни? Как из тонюсеньких волокон первых, случайных, на первый взгляд мимолётных, светлых вначале, боле частых и продолжительных, а затем специально спланированных, желанных, ожидаемых встреч ткётся веретеном судьбы более крепкая нить, вплетаемая в обережную ленту благополучного, счастливого исхода? Как срастаются ткани разных живых существ в единое целое, в один, в унисон звучащий и дышащий организм? И почему иногда и довольно часто не удаётся связать крепкие узелки так близко предстоящей любви и нежности, казалось бы, очевидно родственным душам, сплести из этих нитей прочный поясок единства? Что не позволяет окончательно принять решение, что или кто отводит эту жизненно – важную энергию любви прочь, кто не подпускает меня к тебе? Почему не хватает смелости, решимости открыть вместе дарованную только двоим драгоценную шкапу, почему эта столь ожидаемая посылка ходит по рукам друг от друга нераспечатанной? Это отсутствие воли, смелости или самой любви всё же? Она, любовь, должна ли отстояться, закаменеть до железа – бетонной нерушимости, или же ей позволительно быть лёгкой, невесомой, невидимой, дающей так необходимо желанный глоток живительного, пьянящего вдоха? Должны ли мы непременно бороться, настаивать, убеждать? Возможно ли предъявить доказательства любви, когда самое главное доказательство, единственный свидетель – твоё не лучшее сердце – живёт внутри тебя, и ты не даёшь ему слова, держа кляп во рту? А может, просто довериться той Силе, что посылает нас навстречу друг другу, подаёт нужные знаки, чтобы нам на этом пути не сбиться с правильной тропинки, чтобы первым протянуть руку, улыбнуться, открыться, принять, согреть, отдать?.. Что или кто не даёт тебе, мне сказать главное, закрывает своей недоброй, тёмной ладонью рот, кто костлявыми руками разворачивает твои плечи от меня, подталкивает в спину, уводит прочь? Кто?.. Что?.. Почему так легкомысленно относимся к любому разговору, который может быть вообще последним в этой жизни? Отчего не думаем, что сердитые, несерьёзные, пустопорожние, необдуманные слова могут быть самыми последними, обращёнными к любимому или любящему человеку?.. И кто может сказать, сколько дней, часов, минут осталось, чтобы успеть взглянуть в глаза...

P.S. SMS

«Ты очертила для меня границу, запретила её пересекать. Несколько дней назад ты приходила ко мне во сне с какими-то посторонними, неизвестными людьми. Не смотрела на меня, не откликалась, была сердита и ушла, не простившись... Отняла окончательно остатки убогого сна, воспользовалась моей беззащитностью... Зачем? Что ты хотела сделать, сказать? Разве такими пилюлями можно избавиться от «недуга»?

Преодоление...

С незаметным приходом ночи в окно вливается туман, жёлтым дыханием комнату заполняя, окутывая телом плотным своим, будто одеялом пуховым.

С его, как всегда, визитом незванным тянутся вслед давние спутницы разлуки, подружки – гости ежедневные – грусть лёгкая, тоска, бессонница...

Не близко ты, не далёко, мы, словно стеклянной стеной, разделены ниточкой шагов, от колёс полосой, катящихся не в ту, не в желанную сторону.

Вязкий туман разлуки образ размыт пытается твой и сердцу милые, знакомые черты.

И в сговоре с неупросливой дорогой слить силится фигуру в уходящий силуэт...

Измученной, израненною птицей душа стремится вырваться из клетки, догнать, удержать.

Тропа, к тебе ведущая, от времени тянется всё тоньше и длиннее. Петляет, прячется в молоке тумана, окрашивается безликим цветом без следов, без пятен, без шагов...

И монотонным звуком, заунывной мелодией тоску пророчит и отсутствие движенья, зовя в застывший, сонный мир нудных безконечных ожиданий...

А часов шестерёнки меж тем отдаются раящим эхом, болью в сердце, шумом в голове. Вприпрыжку время скачет под уклон, уводя на поводке оставшиеся в жизни деньки золотые.

Зыбкий покой, надежду скромную и радость тихую дарит утром улыбка мягкая твоя, солнечным лучиком льющаяся с портрета, в суматохе суетливых дней и переездов вечных чудом уцелевшая.

С того – драгоценной, самой первой нашей встречи – волшебства!

Подушки пальцев рук моих зуд памяти своей мне выдают всё чаще и настырней. Напоминают (как будто мог бы я забыть!) о нежной, мягкой коже рук твоих и плеч...

А я всё безнадежней исчезнуть силюсь, раствориться, с попутным ветерком тонкой, незримой отлететь паутинкой, прилипнуть желая незаметной, невесомой серебряной ниточкой к причёске твоей непослушной.

Может, хоть так, затаясь, молчаливо смогу с тобой побыть наедине средь капель дождя иль ветра свежего порыва...

Цветные следы её шагов

Сегодняшний разговор по телефону не задался как-то сразу. Она была явно на взводе и, похоже, решила выплеснуть на меня всё, что накопилось. Я слабо пытался оправдаться: говорил, что не смог ответить на её звонки, что был занят важным разговором с появившимся за кои-то веки солидным заказчиком, что был с ним на объекте, обсуждали проект, что наконец-то подвернулась солидная стена под роспись, что уже обсудили сюжет, композицию, колорит и в общих чертах гонорар и сроки. Говорил, что ввязался в этот заказ для того, чтобы мы смогли бы наконец-то отправиться с ней в долгожданную романтическую поездку, о которой так долго мечтали. Долго и, как оказалось, напрасно просил её не обострять ситуацию по пустяшному, в общем-то, поводу – всё тщетно. Она закусила удила и не хотела никак останавливаться. И через пару бесплодных попыток успокоить её и себя слетел-таки с катушек. Рывкнул в раздражении какие-то явно обидные слова и со злости швырнул телефон в бетонную стену!

В таком идиотском настроении не могло быть и речи о работе над эскизами или холстами, и я вышел на улицу в надежде прогуляться и как-то привести разбушевавшиеся эмоции в спокойное русло. Всё по-прежнему клокотало внутри от несправедливых обвинений и пустых каких-то упрёков. Наверное, от меня здорово при этом искрило: обычно спокойно реагирующие на меня три бродячие дворняги, лежащие на тёплом люке колодца, вскочили и кинулись на меня с лаем. Кое-как отбившись от них, я пошёл по улице. Шёл и продолжал про себя этот ненужный диалог, пытался доказать свою правоту, невольно при этом жестикулируя руками. Разогревшись не на шутку, не заметил, как вышел на проезжую часть дороги на красный свет. С запозданием я услышал визг тормозов, в тот же момент почувствовал сильный удар в бок, перевернулся в воздухе и упал на край мостовой, ударившись затылком о камень. Сильная боль выключила меня из памяти...

Абсолютная тишина стояла в полной темноте, казалось, вечно. В мире, в котором я оказался, время не существовало, и сама мысль о нём никак не проявлялась. Неизвестно, сколько это длилось, но потихоньку стали появляться какие-то сначала очень отдалённые шумы, потом нарастающие и едва различимые звуки. Не сразу, постепенно стало приходить сознание, понимание происходящего в ином, ранее не известном мире. Сознание того, что жизнь не прервана, продолжается. Осталось вот только сообразить, где я и что происходит. Я попытался приоткрыть веки, но не получилось. Веки дрожали, но открываться не хотели.

– Кажется, приходит в себя...

– Да, похоже на то. Работаем!

Теперь звуки уже были вполне различимы и даже знакомы по каким-то слабо отдалённым воспоминаниям. Звенели какие-то приборы, раздавались какие-то шорохи и прочие суетливые шумы. Временами кто-то что-то со мной делал, причинял боль уколами, чем-то влажным смазывали какие-то части тела – мне было не то чтобы совсем безразлично, но участия я в этом процессе не принимал. Через какое-то время почувствовал разливающееся по телу тепло и головокружение, затем на удивление мягкое погружение в сон.

Сон пришёл не сразу, он вползал в сознание по частям, не торопясь, но назойливо и неотвратимо. Довольно мерзкий сон, впервые за всю мою жизнь, безцветный, монохромный и серый. Мне снилось, что я бреду в незнакомом месте, в дикой заброшенной местности вроде болота, бреду, с трудом передвигая ноги по вязкой, засасывающей, грязной жиже, временами становящейся такой же грязной, большой то ли лужей, то ли рекой. Время от времени прова-

ливался по пояс или глубже, боясь утонуть или захлебнуться. Ни берегов, ни каких-то подобий твёрдой суши не попадалось на глаза. Казалось, этот путь безконечен до обречённости.

Затем всё как-то разом исчезло, и я снова оказался в чёрной пустоте без признаков ощущения сторон, верха или низа. «Если это полёт над пропастью, нирвана, то она мне явно не по душе,» – неожиданно подумалось мне. И тут же снова послышались знакомые звуки и шорохи. В этот раз приход в сознание был более болезненным, неприятным, сопровождаемым физическим дискомфортом и болями в голове, животе и ногах.

Время от времени мне под нос совали какую-то тряпицу с едким и резким запахом, от него я громко и резко чихал, голову пронизывала резкая боль, терялось сознание на несколько секунд. И так повторялось довольно долго, как мне показалось. Я молил Бога, чтобы это каким-то образом либо прекратилось, либо вышло на другой какой-то уровень. В конце концов я, похоже, снова заснул или отключился.

Очнулся ото сна без сновидений в темной комнате. На этот раз с трудом разомкнул веки и долго пытался взглянуть в темные пятна вокруг. Привычной картинке перед моим взором не оказалось. Я переводил взгляд от одного расплывчатого пятна к другому и не мог понять, снова сплю и мне продолжает сниться тот же противный безцветный сон, или бодрствую и мучительно прихожу в себя. В таком состоянии я провёл значительное время, пока не заметил, что становится светлее с каждой минутой. Откуда-то издали стали появляться лёгкие звуки и шумы то ли городской жизни, то ли где-то в коридоре что-то пробуждалось. А я всё пытался как-то навести резкость на те же расплывчатые пятна вокруг. И у меня упорно ничего не получалось. Вдобавок, с наступлением светлого времени обратил внимание, что мир вокруг действительно стал серым и безцветным. Вместе с пониманием изменившегося мира неотвратимо наваливалось отчаяние... Серое всё вокруг... Самые отвратительные для меня оттенки, всё то, что я так не любил в жизни, в живописи, в одежде, в природе...

Итак, на меня навалилась новая, гнетущая, серая, убийственная реальность. И мне придётся с ней каким-то образом мириться и пытаться жить дальше. Теперь уже без живописи, без буйства красок, любимых мною до дрожи и самозабвения. Я ещё испытывал какие-то надежды до той поры, пока не состоялся разговор с нейрохирургом.

Он присел ко мне на край кровати, обозначился в зоне моей видимости массивным тёмно – серым расплывчатым силуэтом:

– Мы можем с Вами поговорить откровенно и без лукавства?

– Да, разумеется.

– Ситуация, мягко говоря, непростая. У Вас серьёзная травма. Сотрясения мозга, как ни странно, не было, но слегка треснула затылочная кость, и мелкие осколки проникли в головной мозг. Вытащить их оттуда крайне затруднительно, требуется серьёзная операция. Какие-либо гарантии я Вам давать не стану. Потому видится два варианта: либо Вы попытаетесь самостоятельно привыкнуть к новой реальности, и со временем видимость может немного улучшиться до способности различать окружающие Вас предметы так, чтобы обходиться без посторонней помощи, либо мы делаем рискованную операцию. В лучшем прогнозе мы предполагаем восстановление зрения на 70 процентов, в худшем – Вы теряете и то, что есть сейчас. Вам решать. Дайте знать, когда примете решение.

Всё это время я просил доктора не пускать ко мне никого. Не хотелось, чтобы мне сочувствовали, жалели, успокаивали... Мне и без этой ненужной говорильни было не по себе. Нужна была поддержка только одного человека – моего старого и надёжного друга. Сейчас мы сидели с ним и беседовали.

– Ты уверен, решил рискнуть?

– Да. У меня было время. Слишком много времени для раздумий... Тебе сложно представить, до чего отвратителен серый мир. Я решил, что пусть лучше будет чёрный, но только не серый. От серого я умру, а мне хочется пожить ещё, может быть, мне удастся освоить новую реальность... А вдруг у них что-то получится, а? И мне повезёт, я смогу видеть. Ты же не можешь мне отказать в надежде, братко? Каков бы ни был риск...

– Ну, что ж... Я не сомневался, что именно так ты и скажешь...

Всю подготовительную неделю я сильно волновался, даже не знаю, почему так сильно... А перед самой операцией всё волнение улеглось. Силы вроде ослабли, разом стали наваливаться усталость и сон. Держась за руку медсестры, я вошёл в операционную...

Определять время безпамятства мне не хотелось ещё до начала операции. Всё своё пробуждающееся сознание я сконцентрировал на попытках что-то рассмотреть. Наверное, слишком торопился – ничего не мог различить длительное время. Занятие это оказалось долгое и невероятно болезненное. От перенапряжения, больше эмоционального, чем физического, я то и дело терял сознание.

Судя по всему, по молчанию врачей, их сосредоточенным и деловым шумам и звукам, я в таком мучительном ожидании неизвестно чего находился уже несколько суток. Длительное, мучительное время без перемен, без света, без цвета... Вечный «Чёрный квадрат» Малевича. Это чёртов чёрный квадрат чёртового Малевича!!!

Кое-как окрепнув после наркоза, я стал пытаться расспрашивать врачей, как всё прошло, есть ли какой-то результат... Они упорно отмалчивались или пытались мне втолковать, чтобы напрасно не волновался – всему, дескать, своё время. И через какое – то время я сам понял, что мне выпал второй, худший вариант. Внутри будто что-то оборвалось. Ни мыслей, ни раздумий, ничего – одна монотонная, заунывная нота...

– Мы сделали всё возможное... Постарайтесь теперь как можно меньше волноваться. Я выпишу Вам успокоительное, принимайте какое-то время, чтобы не развивать депрессию.

– Не надо лучше, Док! Я уже спокоен. Прежде чем принять своё решение, много думал. И такой вариант тоже обдумывал, хоть до последнего надеялся.

– Какое-то время будет действительно психически тяжело перенести. Но нужно настраиваться на новую жизнь. Большое количество людей живут незрячими, не Вы один.

– Вы, Док, умеете утешить... Ничего... Будем жить...

Я по-прежнему никого к себе не пускал, кроме друга. Именно сейчас я менее всего нуждался в каком – либо общении. Сейчас мне нужна была плотная работа с самим собой... Я заставил друга говорить со мной, как и раньше, словно ничего не произошло, не боясь неловких оговорок. Я запретил и ему, и себе считать меня инвалидом. И стал учиться новой жизни – одеваться, ходить, слышать, узнавать пальцами предметы вокруг себя. И больше всего старался хоть что-то рассмотреть... После одной такой безуспешной попытки я разозлился на себя:

– Кретин! Неужели же непонятно, что жизнь теперь другая, не та, что была?! Док прав. Миллионы людей живут без глаз, видят, чувствуют мир другим зрением!!!

Другим зрением? Другим зрением... И тут меня наконец-то осенило. А ведь точно. Что же это я заикнулся исключительно на глазах? Столько читал, говорил и даже пытался практиковать. Всё, брат, довольно хандры. Действуй!

Я добрался до окна, раздвинул занавески, подставил своё лицо солнечным лучам и страстно попросил Солнце дать мне надежду, сил, терпения и упорства!

Теперь мы с моим другом не болтали о пустяках, занимались делом. Через какое – то время меня выписали домой. Всё свободное время, а его теперь было сверх меры, я проводил в плотных попытках разбудить свои тонкие оболочки. Энергия частично высвободилась, хоть и таким иезуитским методом – должна быть по всем статьям какая – то компенсация.

Я специально не стал отмечать календарные отрезки, чтобы не изводить себя отсутствием результатов. Кое-какой сдвиг всё же незаметно для меня произошёл. Обратил внимание, что обострился слух и появилось некое подобие интуиции. Минут за пять до прихода друга я уже вспоминал его и будто видел отстранённо, где именно он идёт. Вместе радовались таким мелочам – значит, есть надежда, значит, жизнь продолжается даже в чёрном квадрате...

В один из его приходов мне показалось, что он как-то скован или расстроен, что-то не договаривает. Или... пришёл не один. Порой слышался какой-то едва уловимый шорох или дыхание. Усиливалось ощущение, что ещё кто-то стоял в изножье кровати, на которой я полу-сидел, прислонившись к спинке. И я невольно обращал свой взор (!) в ту сторону. В конце концов не выдержал:

– Что происходит, а? Ты не чувствуешь?

– Н-н-нет... а что?

– Тут, вроде, кто-то ещё...

Снова мне послышался то ли вздох, то ли лёгкий незаметный шорох. Затем и ощущение, и тревога исчезли. Однако безпокойство от происшедшего осталось. И друг ещё усилил его своим сбивчивым разговором.

– Слушай, довольно заикаться! Говори сейчас же, что происходит. Не мямли.

– ...

– Кого ты привёл с собой? Я же просил тебя...

И тут я всё понял, догадался...

– Это была она? Зачем ты с ней пришёл, зачем пустил её сюда? Ты кого пожалел – её, меня, себя?

– Ладно, не горячись, успокойся. Да, это она. Я не мог ей отказать, не мог видеть её страдания и боль. Она ушла, её здесь нет. Извини... Я... Я, наверное, пойду. Ты не возражаешь?

– Ступай с Богом. До встречи!

Он ушёл, а я, немного покипев, успокоился и старался сосредоточиться на своих ощущениях. Что -то очень сильно меня волновало. Было какое-то предчувствие важных событий. Я всё ещё пребывал в полной темноте, почти абсолютной черноте. Глазами по привычке водил из стороны в сторону, но это занятие, напрасное и бессмысленное, никаких результатов не давало. И вот сейчас также по инерции вроде как взглянул туда, где она стояла. Какая – то сила притягивала моё внимание.

И... что – то произошло. От пришедшей мысли я так разволновался, что в изнеможении плотно стиснул свои веки. Потом осторожно и, не торопясь, открыл их и... увидел... Да, я увидел. Сначала миражом, не веря, тончайший оттенок цвета. Чем пристальнее я смотрел, вернее, концентрировал внимание, тем ярче появлялось цветное пятнышко. Точнее, уже явственно видел легчайший силуэт очень бледного зеленоватого оттенка! Её силуэт, я его, её узнал!!! От дикого восторга и небывалого счастья из – под моих век потекли слёзы...

Я сидел на кровати, смотрел в её сторону и плакал, словно ребёнок, у которого в детстве отняли маму, и вот теперь я с ней встретился и стою, реву, а кинуться к ней в объятия не могу, стесняюсь, робею...

Наревевшись вволю, кое -как выровнял своё сбивчивое дыхание и биение сердца. Теперь я стал наслаждаться видением этого божественного бледно – зелёного силуэта. Просидев

в таком эйфорическом состоянии какое -то время, я заметил, что силуэт изменился. Линия силуэта стала шире, более размытая. Появились какие —то новые, представь себе, новые! оттенки! А ещё чуть позже мне удалось различить и явные цветковые пятна. На фоне черноты эти пятна хорошо читались. Общий цвет силуэта в целом не изменился, он пульсировал слегка зеленоватым, чуть в синеву оттенком. В области головы было видно голубоватое пятно. Оно перетекало в густую, изумрудную зелень по плечам и груди вниз. Только в области сердца было более яркое красно-оранжевое небольшое пятнышко.

Я снова разволновался, потому что силуэт стал как-то угасать. Я встал и подошёл к этому месту. Становилось до слёз обидно – силуэт остывал. Я почти отчаялся и опустил голову вниз. И тут увидел другие пятнышки цвета. Зеленовато – бирюзовые небольшие пятна, уходящие из моей комнаты. Пятна её следов. Её цветных следов... Присел на корточки, следы стали чуть отчётливее.

Я не мог поверить в это чудо. То и дело смыкал веки и тряс головой, чтобы сбросить морок. Но чудо не исчезало. Я попробовал до них дотронуться и вдруг заметил совсем неразличимый контур своей кисти. Поднял руку, поднёс ближе к своему лицу и... увидел её. Контур кисти пульсировал красноватым оттенком. Я был вне себя от восторга. Я жестикулировал рукой, сжимал, разжимал кисть, обе кисти рук. В изнеможении от пережитого шока снова рухнул на кровать и залился слезами.

За последние несколько бурных месяцев я успел переселиться уже в третью жизнь. Теперь ко мне возвращался цвет. Другой, не познанный ранее, совсем особенный в свете пережитого. С каждым днём палитра цветов, мной виденных, расширялась. Теперь уже легко видел силуэты людей (я с удовольствием вышел из депрессии и стал общаться с родными и друзьями), видел оттенки их настроения и даже самочувствия. В шутку мне стали пророчествовать карьеру ясновидящего, человека – рентгена. Теперь мне стало легко передвигаться без палочки и вытянутых вперёд рук по комнате – я видел силуэты предметов. Немного погодя, стал смелее выходить на улицу.

И специально не стал носить, как все незрячие люди, тёмные очки. Особенным удовольствием стало различать следы на земле. Следы людей, зверей, птиц и насекомых. В час пик они представляли собой невероятно красочный калейдоскоп всевозможных оттенков, настроений, самочувствий. Приятно и с усиливающимся чувством покоя рассматривал следы некоторых животных и особенно птиц. Я научился безошибочно определять, где прошла кошка или собака, где прошмыгнула мышь, где топтались голуби и прыгали галки и вороны, где суетились и толпились стайки воробьёв и изредка трясогузки или синички.

Мои прогулки стали более протяжёнными, я стал ходить по мало знакомым местам и закоулкам, словно исследователь или путешественник, стал заново открывать давно известный и теперь скрытый от меня мой же мир.

Мне захотелось снова попробовать испытать себя в новом качестве, вернуться в мастерскую. Несколько первых дней ничего не удавалось – я почти ничего не видел. Нашарил руками коробку с красками, достал тюбика два, торопясь и нервничая, открыл и выдавил прямо на стол краску. Долго и мучительно пытался рассмотреть хоть какой – то оттенок цвета. Всё тщетно. Обычная масляная, темперная и акриловая краски мне не давались, прятались под личиной безцветного куска глины или грязи. После нескольких часов бесплодных усилий я понял, что традиционная живопись, которой раньше занимался и к которой я надеялся, пусть в новом качестве, вернуться, навеки мне заказана...

В один из таких волнительных дней я возвращался к себе. Шёл, как всегда, рассматривал цвет многочисленных следов. И перед самой дверью вдруг увидел... следы совсем особенные, не похожие на все остальные. Сердце мгновенно забило сбивчивым ритмом, в голове зашу-

мело. Я понял, что произошло что-то очень важное, из ряда вон выходящее. Такие следы были явлены мне в тот первый раз. Её следы... Следы, наполненные особым колоритом и теплом. Я остановился, не веря своим, хотел сказать глазам... Потом присел, как первый раз, и стал наслаждаться переливами цветовых оттенков.

В них была решимость в области подошвы под пальцами, неуверенность пяток шагающей на цыпочках. Трепетность пальцев, сжатых узкими туфлями. Какая – то затаённая страсть под подъёмом стопы, лёгкость и твёрдость принятия окончательного решения по внешней стороне стопы. Всё вместе пульсировало, переливалось необычным калейдоскопом, почти перламутровой феерией. Я рассмотрел приближавшиеся, решительные следы. И немного потускневшие, расстроенные (оттого, что не застала меня на месте), удалявшиеся следы, более ровные по колориту от грусти.

Теперь я не углублялся далеко в своих прогулках. Усиленно и напряжённо вслушивался в звуки с улицы, жадно вдыхал ароматы, залетавшие в открытое окно, пытался сам приподняться над крышами и почувствовать её приближение, издавдала протянуть руки и притронуться к ней. У меня появилась цель – рассмотреть долгожданные следы. Я ждал её, жаждал пойти навстречу горячим, свежим и таким близким и родным, неземным краскам, оставленным её небольшими стопами, пальцами, пяточками... Пойти навстречу, приостановить её торопливый бег, остановиться, слить краски наших ног, тел вместе, смешать из них отдельную, неповторимую, только нашу палитру. Добавить к ней яркие оттенки наших плотно сплетённых рук, щедро замесить в них ярчайший, буйный цвет нашего запоздалого поцелуя. Я ждал встречи с этой новой, не испытанной ещё в моей жизни, неземной живописью. Живописью её ярких цветных следов, цветного её присутствия! С колоритом её маленьких, узеньких ножек, парящих чуть-чуть над поверхностью земли, с солнечным, золотистым задором её тёплых ладоней, размытым, смазанным охристым мазком её соломенных волос, чуть прохладным отблеском свежей зелени глаз, серебристых бликов, играющих на блестящих зрачках, с нежным умбристым бархатом её бровей, слегка разбелённым румянцем пунцовых щёк и нежным персиком обнажённого плеча! Я ждал ослепительно – ярких тонких акварельных листов в местах следов её ног, спешащих ко мне навстречу... С трепетом и волнением ожидая начала новой, неведомой и только сейчас открывшейся жизни, я стоял у порога нового мира, закрытого для остальных и щедро изливающего на меня свет иного, огромного, божественного света, цвета и тепла. Мира, наполненного безграничным колоритом её присутствия, её цветных следов, взмахов её крыльев и рук, её цветных вздохов, возгласов, пения и танца! Её мира, в котором, я надеялся, есть место для меня...

Скрип половицы

Милому другу с Надеждой и Любовью...

Сначала появилась едва заметная, смутная тревога. Сквозь и без того крайне чуткий, непродолжительный сон, почти полудрёму... Бирюк чуть повернулся на другой бок, не открывая глаз, стараясь не просыпаться. И уже почти снова заснул, но вдруг над самым ухом отчётливо услышал скрип половицы... Моментально раскрыл глаза и весь превратился в слух. Возникшее напряжение и нарастающая тревога пробудили к усиленному биению давно успокоившееся сердце. Ожидание казалось вечным... И, уже начав считать, что звук половицы ему приснился, стал расслабляться в попытке снова заснуть. Но половица опять скрипнула каким-то отдалённым, приглушённым и едва слышимым звуком с бледным, переливчатым эхом.

Бирюк замер, едва заметным движением руки нащупал на поясе свой нож и, взявшись тремя пальцами за рукоять, стал потихоньку вынимать его из ножен. Через какое-то время он вдруг сообразил: откуда мог взяться скрип половицы, да и сама половица в лесу, в яме, где он не первый уже сезон прятался от всего мира? В обычной яме, где он разложил на земле тонкие брёвна упавших молодых деревьев, укрыл плотным ковром-матрасом из веток елей и кучи опавших и сухих листьев. Откуда в него, с позволения сказать, жилище дикаря, полузверя в человеческом облики, могут взяться половицы? Да ещё и скрипеть по ночам над ухом под тяжестью неизвестного существа. Кто мог к нему прийти ночью с такими звуками, с такими новостями?

Тревога и напряжение не исчезали. Скорее, наоборот, усиливались и обретали какой-то иной оттенок. Он лежал в своей яме, не шевелясь и стараясь дышать спокойнее и ровнее. Жадно вслушивался в звуки его медвежьего угла. Ещё была ночь, чёрная, безпроглядная, большая и безкрайняя в своих размерах. Ночь, к которой он худо-бедно стал привыкать и не бояться её и таившихся в ней опасностей.

Спустя какое-то время послышались первые свисты птиц, встречающих восходящее солнце. Бирюк потихоньку пошевелился и стал предельно осторожно приподнимать некое подобие двери или крышки над своей головой, чтобы выбраться наружу. Было ещё совсем темно, но привыкшие к таким условиям глаза видели знакомые очертания около его ямы. Внешне никаких перемен он не заметил. Потихоньку и так же осторожно стал выбираться из неё. Поднялся на пригорок, под которым расположилась его берлога, и присел на поваленную сосну, спугнув небольшую стайку мышей или каких-то других мелких ночных зверюшек.

Детали проекта заказчик предложил обсудить в новом, недавно выстроенном недалеко от главного вокзала бизнес-центре. Он попросил именно так встретиться, при условии, что о деле мы поговорим только после того, как послушаем лекцию какого-то известного столичного гостя, крупного специалиста в области психологии, коучинга, маркетинга и прочей новомодной чепухи, выдаваемой с помпой за новейшие достижения науки. Весь потенциал этой псевдонауки направлен был на единственную цель, обозначенную почти сто лет назад товарищем Бендером: убедить присутствующих деловых людей добровольно расстаться с определённой суммой денег в пользу этих учёных – носителей сокровенных знаний.

Через пять минут такого тренинга мне откровенно стало скучно, и я незаметно выскользнул из аудитории, пообещав заказчику подождать его в коридоре. В фойе было не намного веселее, но, по крайней мере, здесь меня никто не пытался зомбировать. Я прогуливался взад-вперёд, по несколько раз прочитывал рекламные призывы на плакатах, поглядывал в окна, то

и дело проверял часы. Из многочисленных кабинетов и дверей сновали деловые, безупречно одетые и сногшибательно выглядевшие барышни с какими-то бумагами, папками, коробками. Когда весело, когда сухо, по-деловому, на ходу вели переговоры по телефону или перекрикивались негромко друг с дружкой.

За одну из них принял и её, неторопливо шагающую по коридору к светлому фойе с большими, до пола окнами. Я, было, равнодушно скользнул взглядом в её сторону, но остановился, поражённый неожиданной и завораживающей картиной. Она шла походкой манекенщицы, чётко, со значением, со знанием дела артикулируя негромкий стук своих тонких каблук. Шла, по отработанной привычке зная, что внимание окружающих или случайно проходящих приковано к её тонкой, стройной, изящной фигуре, что она и есть центр внимания.

На ней был лёгкий, из тонкой ткани брючный костюм чёрного цвета. Поверх блузки на тоненьких бретельках на плечи был накинута шёлковая палантин, расписанный линейным золотым узором в японской манере или что-то вроде того. Он то и дело пытался сползти с её плеч, и ей приходилось постоянно поправлять палантин своими тонкими и длинными кистями грациозных и пластичных рук.

Она вошла в фойе, подошла к окну, продолжая говорить по телефону. Я сидел на кушетке возле колонны неподалёку и откровенно наслаждался этим неожиданно дарованным мне явлением красоты пропорций. Её разговор как-то вдруг прервался, она собралась положить телефон в сумочку, как снова раздался звонок. Она взглянула на него, улыбнулась и ответила.

– Аллё! Привет! А ты где? – и стала весело и непринуждённо снова тараторить с кем-то по телефону – любимое девичье развлечение.

«А ты где?» – это была её визитная карточка, ставшая знакомой мне по нашему непродолжительному, насыщенному и головокружительному роману. С этого вопроса начинались все её переговоры по телефону, с кем бы она ни говорила.

Начавшись легкомысленно и весело, разговор приобретал серьёзные оттенки, и ей стало, очевидно, не до кокетства со мной и привычной в таких случаях игры. Она замолчала и внимательно вслушивалась в трубку, замерла, почти не дышала. Не заметила даже, как палантин сполз с её плеча, прихватив с собой в компанию и бретельку блузки. Лёгким жестом, изящным полукругом тонкой кисти она то ли пыталась жестикулировать в разговоре, то ли машинально старалась поправить сползавший палантин. Плечо обнажилось, и я заметил густую россыпь веснушек, покрывающих её тело от плеч по всей спине и рукам. Эта россыпь – солнечная любовь и подарок – так всегда пьяняла меня потом, в наши короткие встречи...

Закончила разговор и решительно направилась к выходу, прожгла меня своим взглядом. Проходя мимо, чуть задела краем палантина моё плечо, дохнув едва уловимым ароматом тонких духов. Каблучки отзвучали в конце коридора и замолкли за входной дверью.

Этот скрип явно вывел Бирюка из равновесия, он стал заметно нервничать и сердиться на себя за это. Так нельзя. Нужно быстро взять себя в руки и остановить внутренний диалог, чтобы не превратиться снова в нежелательного гостя леса, нарушившего закон и порядок Природы. Никаких негативных мыслей! Он мучился несколько дней подряд, память об этом звуке не давала ему покоя и сна. Он уже точно знал, что это какой-то важный знак, послание, но никак не мог прочесть его, расшифровать...

Он не вёл дневников, не отмечал по – робинзоновски засечками дни, что прожил в лесу. Помнил только, что прошёл не один сезон. К немалому удивлению, научился выживать в лесу, не умер с голоду, не был растерзан хищниками и, что самое важное, не был найден казёнными ищейками и не выдан добровольцами – сыщиками. За всё это время ему удавалось не сталкиваться с людьми, он научился вовремя скрываться из поля их зрения, растворяться

среди кустов и деревьев в любое время года, словно был под покровительством самого Лешего. Не исключено, что так оно и было.

В один из таких мучительных от раздумий дней ему припомнился похожий случай. Он скрывался в лесу чуть более полугода. На исходе этого срока, также ночью, его разбудил тоненький писк младенца – не то плач, не то зов. Это взволновало его почти так же, как и скрип половицы. Но тогда он не в полной мере осознавал знаковость явления, однако событие глубоко врезалось в его память и сегодня напомнило о себе самым решительным образом. Теперь вот появилось второе звено символической цепочки каких-то скрытых, неведомых событий, явно связанных с его жизнью и, возможно, проходящих где-то в отдалении. Сердце настойчиво подсказывало ему, что скоро с этими событиями ему придётся столкнуться вплотную. Всякий раз, когда эта мысль назойливо о себе напоминала, Бирюк досадливо морщился от бессилия прочесть знаки и что-либо предпринять, чтобы избавиться от приходящего волнения и раздражения.

Изо дня в день он настойчиво пытался решить эту не дающую покоя загадку. Никак не мог понять, откуда именно пришло послание. И вся его предыдущая, «цивильная» жизнь, от которой он так старательно избавлялся в добровольном самоизгнании, снова навалилась на него всей своей тяжестью воспоминаний. Дотошно, по крупицам, слово за словом, поступок за поступком он вытягивал из своей памяти забытое и никак не мог ухватиться за ниточку хоть какого-то разумного объяснения происходящего.

В следующий раз я встретил её под самый Новый год. Мои друзья медики, муж с женой, пригласили меня, ведущего в последние дни уединённый образ жизни, отметить праздник у них, пообщаться, развеяться от уныния и тоски одиночной жизни. Я пошёл без особого удовольствия, прихватив по пути какие-то символические подарки и угощения. В доме оказалась вполне приличная компания людей, стоял предпраздничный гомон и знакомая суতোлка вокруг стола. Приятной неожиданностью для меня оказалась стоящая у приоткрытой балконной двери её тонкая фигура с неизменным телефоном в руках.

– Привет! – она хохотнула. – А ты где? – и привычно затараторила о своём, о женском... Я невольно ею залюбовался.

– Ты знаком с ней? – спросила меня хозяйка.

– Нет.

– Пойдём, познакомлю.

Подвела меня к ней.

– Эй, болтушка! Хватит трещать. В новом году наговоришься. Вот, познакомься, наш давний друг.

– С наступающим! Дарьяна. Или Дарья, как удобнее, – она протянула свою тонкую ладонь.

– Э-э-э... А... Да, благодарю. Вас тоже с наступающим! Алексей.

Она задорно рассмеялась над моим смущением и запинками.

– Почирикайте пока, у меня полно дел, – и хозяйка деликатно удалилась, а мы стали чирикать, к нашему обоюдному удовольствию.

Эта новогодняя ночь получилась довольно веселой, оживлённой, по-настоящему праздничной. И я, кажется, был в ударе – шутил, сыпал незамысловатыми анекдотами и танцевал... С ней. Всю новогоднюю ночь с ней одной, на зависть и досаду некоторым присутствующим девицам, которых я совсем не замечал. Или замечать не хотел...

Уже под утро, оба уставшие от болтовни, танцев и закусок, мы шли с ней по пустому, застывшему городу романтической, зимней ночью. Я продолжал вести пустопорожний, легко-

мысленный разговор, с невероятным трудом сдерживая своё распалившееся желание обнять и поцеловать её прямо здесь, посреди скользкой дороги, на морозе, под сенью оседающих редких снежинок.

– Ну вот, мы пришли. Вон через дорогу мой дом, зелёный. Дальше не надо... Приятно было познакомиться, мне понравился сегодняшний вечер!

– А с моей стороны будет очень неприлично, если я попрошу Ваш телефон и как-нибудь позвоню?

Дарьяна заливисто расхохоталась и протянула свою визитку. Прощаясь, я не удержался и осторожно привлёк её для поцелуя.

– В щёчку! – прошептала она смущённо и подставила вспыхнувшую щёку.

– До встречи!

Он уходил от своей ямы на приличное расстояние в глубь леса. Там, вдали от просеки и звериных тропинок, в густых зарослях кустов, над протекающим внизу довольно широким ручьём, возвышался каменный обрыв. Под обрывом в паре метров над водой Бирюк когда-то обнаружил небольшую нишу среди крупных камней, закрывающих её от постороннего, случайного взгляда. И подобраться к ней со стороны без шума было тоже невозможно. Идеальное место для уединения и отдыха. И для воспоминаний...

Он сидел в крошечной пещере на корточках и по крупичкам восстанавливал своё недавнее прошлое. Но оно настойчиво уворачивалось от малейших попыток перекинуть назад хотя бы одну страницу. Все воспоминания резко заканчивались первыми днями его бегства в лес, и ни миллиметра далее. Он никак не мог понять, что с ним такое и почему именно так случается всякий раз. И приходил к неутешительному выводу об обречённости и тщетности дальнейших попыток. Возможно, что, когда он решил резко сменить свою жизнь на абсолютно новую, неизвестную и непредставимую ранее, в нём самом, в его и без того слишком подвижной и неустойчивой психике произошёл какой-то коренной надлом или невероятной силы настрой на эту новую модель выживания. Жизнь одного дня, одного часа или минуты. Практически на грани смерти. Слово каким-то неизвестным, мощным и решительным, нечеловеческих рук острым инструментом была отсечена напрочь вся предыдущая информация о его жизни. Слово часть мозга, ответственная за память о прошлой жизни, была надёжно и невосстановимо отформатирована, стёрта до основания.

В таких мучениях и судорожных поисках выхода проходили день за днём, ночь за ночью. И с каждым днём в нём росло убеждение, что вспомнить он сможет только в одном случае. Если вернётся назад, в город. В тот самый город, из которого ему удалось спастись от стаи охотившихся за ним каких-то тварей в человеческом облики. Попросту нелюдей, бесов – существ, не имеющих очень важных человеческих органов – совести, любви, сострадания...

Она была художницей по тканям, и все её оригинальные наряды она проектировала и шила сама. Её работу отличали безупречный вкус, тонкая изысканность и грациозные, как она сама, линии рисунков, растительные мотивы, орнаменты в её излюбленном стиле Art Deco. Родившись в большом городе, она тяготилась провинциальной теснотой и при каждом удобном случае пыталась ускользнуть в крупные города на семинары, командировки или простые поездки без повода: развеяться, сходить на выставки, в театр, пообщаться с бывшими однокурсниками, живущими в столице.

В первое время нам не часто удавалось видаться в рутинной суматохе бытовых хлопот и проблем. Тем приятней были неожиданные или случайные встречи. И всякий раз, когда видел её издалека, плывущую над тротуаром, мне с трудом удавалось успокоить своё взволнованное сердце, готовое выпорхнуть ей навстречу. В ней удивительным образом уживались самодостаточность красивой женщины, непосредственность, весёлый нрав и какая-то детская, наивная пугливость и неподдельное, трудно скрываемое смущение и робость на людях. Это было до такой степени непривычно, что только подогревало моё необузданное любопытство и желание узнать её как можно ближе. Мне стоило немалого труда лукаво придумывать какие-то легенды о срочных делах неподалёку от её дома, чтобы воспользоваться случаем и заглянуть, напроситься к ней на чашку кофе. Кофе она готовила чУдное! И неизменно подавала к нему плитку особого, её хорошими друзьями доставленного специально для неё шоколада. А на прощание она подставляла свою пунцовую щёку, приговаривая обычное заклинание:

– В щёчку!

Неожиданности и непредвиденные события обычно сваливались на меня все сразу. По какому-то злему умыслу свежие потрясения случились именно осенью, в самый депрессивный и нелюбимый для меня сезон. От родных пришли печальные новости, и мне пришлось срочно выехать на родину. Я трясся в ночном, пропахшем вагонными запахами поезде, не в силах сомкнуть глаз и хоть сколько-то поспать до пересадочной станции. Сидел с закрытыми глазами, старался ни о чём не думать и преждевременно не волноваться. Через какое-то время увидел её очень близко перед собой. Она обнимала меня, разворачивалась спиной, а я зарывался в её густые распущенные волосы, пытался поймать своими губами её ухо, губы, дотянуться до лица, шеи, плеч... Казалось, этой игре не будет конца, так она была притягательна, волнительна и сладка. И только включённое освещение вагона и призыв проводника о сдаче постельного белья опустили меня с облака сновидения на полку вагона. Я сидел в ожидании прибытия поезда на вокзал и думал о своём видении. Почему? Почему именно так? Почему она? Что это могло значить? И почему, наконец, именно сейчас, когда мне было ни до кого и не до чего?

Окончательно обезсилев от мук размышлений, Бирюк принял решение вернуться в город. Ему на удивление везло до сей поры: его никто не заметил, не поймал. Сейчас нужно было предпринять заметные усилия, напрячь осторожность, бдительность: не исключено, что в городе ему придётся пробыть несколько дней. Примерно через неделю он начал свой поход в город. Двигался с максимальной внимательностью по ночам, вдали от дорог и тропинок. Днём прятался в кустах или оврагах. Медленно, короткими расстояниями приближался к городу. И уже знал, куда именно ему нужно попасть в первую очередь. Он знал, а сейчас отчётливо вспомнил незаметные и тайные тропочки к её дому на краю города, по которым когда-то часто гулял с ней, уединяясь от посторонних глаз.

Он сидел в густых зарослях орешника и боярышника на небольшом пригорке и пристально вглядывался в окраину. Вот там, за вышкой ЛЭП, через два квартала должен быть её домик, стоявший третьим или четвёртым в ряду домов, упиравшихся своими участками и садами в небольшой ручеёк, отделяющий эту уютную улицу от сосновой лесной полосы. В эти сосны ему придётся пробраться ночью с осторожностью и беззвучностью кошки. И пройти эти несколько сот метров так, чтобы не наткнуться на случайных прохожих и не растревожить чутких собак.

Так он сидел в кустах и ждал с усиливающимся волнением вечера, в сотый раз мысленно пройдя этот небольшой участок земли от сосен до забора её сада. Что он сделает потом, не знал,

не мог представить. Его возбуждённый мозг останавливался у её забора и всё – никаких иных образов действия не возникало. Он снова, как и в лесу, недавно, был этим основательно взволнован и обезкуражен. Время тянулось мучительно медленно. Не рискуя даже встать, с затёкшими ногами, он попытался кое-как пристроиться удобнее в кустах и хоть немного подремать. В полудрёме, в лёгком забытии он пытался вспомнить её черты, фигуру, причёску, живой, острый взгляд задорных глаз, улыбку...

На исходе моего недельного пребывания в отчем доме мне стало совсем невыносимо. Я сидел вечером на полуразвалившемся, старом и брошенном диване с выщербленным деревянным подлокотником, знакомым с детских пор, в совершенно пустой, по-сиротски брошенной комнате. Забытые в суматохе переездов деловой роднёй выцветшие и пропылённые гипюровые оконные занавески даже издали назойливо пахли пылью и старостью. Сидел, отчётливо понимая, что жить в этот дом не вернусь. Гнёздышко, витое с огромной любовью и надеждой матерью всю её жизнь, было разрушено. А дети, оказывается, вьют свои собственные гнёзда. С той же наивностью и верой в то, что эти гнёздышки они оставят в наследство своим детям, забывая или не желая знать, что мир меняется. И меняется стремительно и безповоротно, обгоняя систему ценностей каждого поколения...

В таком безрадостном размышлении и питейном настроении я сидел, ковыряясь ногтем в щербинке подлокотника, и вдруг совершенно неожиданно для самого себя вспомнил её. Её улыбку, тёплый взгляд и тонкую, выпирающую и соблазнительно манящую подвздошную косточку, которая сводила меня с ума всякий раз при встрече с ней. Я невольно улыбнулся от нелепости моих воспоминаний: «Ну почему именно эта косточка пришла на ум, неужели нечего вспомнить?» И я решил позвонить.

– Ой, привет! А ты где? – залиvisto рассмеялась она в трубке телефона.

Я в двух словах рассказал о своих делах, заметно огорчив её.

– Ладно, это жизнь, ничего не поделаешь. Не думай об этом. Я почему-то хотел тебя услышать и позвонил. Ты дома?

– Нет, я на семинаре, расписываю шёлк. Дня через три вернусь.

– Я постараюсь приблизительно через неделю приехать. К тебе можно будет зайти?

– Да, конечно, созвонимся. А ты что, знал? Откуда? Я вроде тебе не говорила... – она оживилась.

– Что знал?

– Что у меня сегодня день рождения?

– Да что ты? Вот это да! Ну и новость! Я поздравляю тебя! Всего тебе наилучшего! И...

Целую тебя!!!

– Благодарю! В щёчку?!..

В конце концов Бирюк не выдержал. Не дождался темноты. Едва заметив, что солнце начало свой путь к горизонту, он потихоньку и с предельной осторожностью стал продвигаться в тени сосен к ручью. Через два – три шага останавливался, прислушивался, тщательно взглядывался во все стороны, и после небольшой паузы снова пара шагов...

Эти сто, сто пятьдесят метров он преодолел, наверное, часа за полтора, как ему показалось. И вот он стоит перед ручьём напротив её зелёного домика в отдалении участка, озираясь по сторонам и чутко прислушиваясь к малейшим звукам. Рискнуть перейти ручеек по небольшому мостику чуть поодаль от того места, где он стоял, не решился и потихоньку, безшумно

перешёл ручей вброд. Теперь он трогал штакетник забора в надежде, что одна или две доски от ветхости могут отойти и удастся пролезть внутрь. Ему снова повезло, он пролез в отодвинутые три доски забора и аккуратно и так же беззвучно вернул их на место. Присел на корточках ненадолго и, не приподнимаясь, стал продвигаться ближе к дому.

По другую сторону небольшого яблоневого сада, метрах в десяти от дома, лежала приличная гора садового мусора: гнилые палки забора, полусгнившие доски, какая-то старая, полуразвалившаяся дверь от сарая, ржавая уже от времени, дождей и снегов кровать с железными спинками, отпиленные когда-то ветки деревьев, дырявые тазы, вёдра и кастрюли. В общем, обычный приготовленный на выброс бытовой мусор, до которого никак не доходили хозяйские руки и который почти всегда имеется на любом участке.

Между этой кучей мусора и старой, раскидистой яблоней с почти высохшим стволом и низко свисающими густыми ветвями и пристроился Бирюк. Он сидел и жадно всматривался в окна дома, стараясь отгадать, кто в нём живёт. Сколько он ни всматривался, но признаков движения в доме так и не заметил. А когда сумерки сгустились, на веранде неожиданно зажгётся свет и кто-то вышел на неё, переговариваясь друг с другом. Сквозь занавешенные окна веранды мелькали тени взрослого человека и ещё чьи-то поменьше. Неразборчивые то ли женские, то ли детские голоса доносились до невероятно взволнованного Бирюка. От напряжённого взгляда у него начали слезиться глаза.

Входная дверь открылась, из неё выбежала кошка и помчалась в его сторону. Следом за ней спрыгнула с крыльца маленькая девчушка.

– Стой, Мурыська! Ты куда, вернись! – крикнула она и стала догонять кошку. Кошка же, подбежав к куче мусора, в двух шагах от неё вдруг увидела сверкавшие глаза Бирюка, остановилась, испуганная, и замерла на месте, едва покачивая кончиком хвоста. К ней подбежала её маленькая хозяйка и подхватила на руки.

– Ах ты, хулиганка! Убежать от меня хотела... – она вдруг тоже заметила Бирюка и замолчала, удивлённо, но без испуга распахнув таким до боли ему знакомым жестом свои чистые голубые глазёнки. Кошка, улучив момент, выскользнула из рук и убежала. Малышка внимательно смотрела на Бирюка, не веря, что такое может быть. Она даже подошла поближе и смешно наклонилась вперёд, по-взрослому оперев ручонки в свои коленки.

Немного погодя, какая-то светлая мысль озарила её личико улыбкой, и она осторожно спросила Бирюка:

– А ты кто, Лесовик? Ты ко мне в гости пришёл, да? Я тебя узнала, ты недавно ко мне во сне приходил и сказал, чтобы я к тебе приходила погостить. А если не придёшь, сказал, тогда я сам к тебе приду. Меня мама к тебе не пустила утром, я правда хотела прийти... Ты не будешь сердиться? Правда? А то мама всегда на меня сердится, если я её плохо слушаю.

Бирюк с тёплой нежностью смотрел на малышку. Разучившись произносить слова и боясь своим хриплым голосом испугать её, он только тихо кивал ей в ответ.

– Эй, зайчонок, ты где? – обеспокоенная мать вышла на крыльцо. – Уже темно, пора домой...

Оглядевшись по сторонам, она увидела дочь и пошла к ней. Малышка оглянулась, сделала пару шагов к матери и остановилась. Та подошла к ней, прижала её к своим ногам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.